

Лю Лао уже внёс немалый вклад в большое кино.

Главный режиссёр Китая снимал и сцены Великой войны с участием тысяч людей, и сцены масштабных взрывов, разрушивших целые улицы. Финальная сцена его фильма «Дикие цветы» тоже была внушительной: в ней было задействовано, по меньшей мере, 300 статистов.

Съёмочная группа арендовала дворцовый зал Города кино и телевидения. На этой просторной огромной площади перед дворцом чиновники в унисон преклоняли колени. Видны были только их головы. Перед ними в центре Золотого Зала стоял Император, держа в руке холодную нефритовую печать и с изумлением глядя на женщину, преклонившую перед ним колени вместе с сотней других чиновников.

Принц, облачённый в роскошные одежды, как ни в чём не бывало, стоял, склонившись перед Императором, делая вид, что ничего не слышит.

По просторному залу с шумом пронёсся унылый ветер.

Шэн Сянцзюнь всё ещё стояла на коленях на плите из синего камня, держа в руках костюм «летучей рыбы». Она плакала, склонив голову, больше ничего не говоря и предоставив Императору право решать. Глядя на эту сцену, ни гражданские, ни военные чиновники не осмеливались перешёптываться, тоже один за другим склоняя головы.

Император огляделся. Его болезненно-бледное лицо было морщинистым и бугристым. Спустя долгое время тишины по залу, наконец, пронёсся эхом его торжественный дрожащий голос.

— Что это за девушка-демон, почему она пытается обмануть толпу?! Быстро приведите её ко мне, накажите её!

Приговор был вынесен, и члены имперской стражи немедленно выступили вперёд, намереваясь схватить Шэн Сянцзюнь. Кун Чао выхватил свой нож, ловко раскидав четырех гвардейцев.

В этот момент раздался громкий голос Ван Гуанпина:

— Брат-Император, если Вы не верите этой девушке-сиротке - поверьте своему младшему брату! Ваш брат верит этой девушке. Ведь действительно, восемнадцать лет назад во дворце пропали десять служанок и десять стражников. Причина их смерти была до этих пор неизвестна, но раньше все они служили первой королеве. Более того, императорский врач Сун, который принимал роды у первой королевы, после этого внезапно вернулся в свой родной

город. Но известно ли Императору, что уже через год он внезапно умер от холода?! Как мог он, с его медицинскими навыками, случайно умереть от холода? Брат, подумайте дважды!

Император махнул рукавом и побледнел:

— Катись прочь! Кхм-кхм! Кхм-кхм...

Ван Гуанпин внезапно рухнул на колени:

— Брат-Император, подумай дважды!

В зале воцарилась смертельная тишина; все чиновники стояли, склонив головы. На площади все, за исключением Кун Чао и его людей, стояли на коленях. Министры не осмеливались говорить, но, очевидно, они уже встали на сторону Ван Гуанпина.

Фактически, какой бы ни была на самом деле правда, сегодняшняя церемония больше не могла продолжаться.

Если Принц настоящий, то Император может передать ему престол и позже: он никуда не торопится. Однако если Принц - фальшивка, то это самое настоящее преступление против королевской крови и ужасный обман и заговор против Императора! Это решение нельзя было откладывать.

Безмолвная толпа из смиренных гражданских и военных чиновников, безостановочные уговоры младшего брата, окровавленный костюм «летучей рыбы», рыдающая девушка-сирота из семьи Шэн... всё это отражалось сейчас в глазах Императора. Практически прижатый к его шее кинжал вынуждал его немедленно сделать выбор.

Немощный старик сделал полшага назад, и на его усталом лице проступило бессилие и печаль. Лю Лао наблюдал за сценой через двадцать мониторов, и на шести из них он видел, что Жун Сюй держит голову опущенной, а чёрные волосы ниспадают ему лицо так, что его выражения не разглядеть.

Только его спина была прямой; с тех пор, как в зал ворвалась толпа, он ни разу не шелохнулся!

Завывая, подул холодный ветер, и Император, медленно опустив голову и посмотрев на своего сына, хриплым голосом заговорил:

— Сын... на сегодня церемония окончена. Встань. Мне... мне нужно кое-что с тобой обсудить.

Ответ - Чжу Можэнь продолжил молчаливо стоять на коленях.

— Эй, ты...

— Отец. — внезапно раздался низкий ровный голос, и все в студии сосредоточили свои взгляды на Жун Сюе.

Это была первая фраза, сказанная им в этой сцене. Его голос был спокойным и нежным, как и прежде. Слышавшие его зрители чувствовали в этот момент необъяснимое спокойствие и не могли не поверить ему. Им хотелось ему верить.

Чжу Можэнь, опустив голову, мягко произнёс:

— Отец, Вы можете доверять своему сыну.

Император долго колебался, не говоря ни слова.

Тихий печальный вздох раздался в молчаливой студии и быстро затерялся на свистящем ветру. На длинные волосы принца подул ветер, и он медленно поднял голову, показав зрителям сначала свои красивые глаза, а затем и изящное нежное лицо.

Под пристальными взглядами большой толпы молодой принц приподнял уголки губ и нежно улыбнулся, но на его глазах начали проступать слёзы. Он не плакал, а просто улыбался, глядя на своего отца, который растил его на протяжении восемнадцати лет. Он смотрел на него самым нежным взглядом и самым спокойным и мягким голосом произнёс:

— Ты мне не веришь.

Это был не вопрос. Утверждение.

В голосе принца не было и тени сомнения. Он твёрдо произнёс эти четыре слова.

Многие сотрудники в студии заковано наблюдали за игрой Жун Сюя, не в силах отвести от него глаз. У особо чувствительных даже покраснели глаза и к горлу подступил ком.

На этом съёмки этой сцены были окончены, и операторы и группа по освещению занялись сменой положения и углов камер и света, готовясь к съёмке оставшихся кадров.

Жун Сюй слишком долго стоял в этой сцене на коленях. Когда он встал, то почувствовал дикое онемение в ногах. Ло Вэй заботливо помогла ему помассировать икроножные мышцы. Спустя всего пять минут отдыха Жун Сюй должен был приступить к съёмкам следующей сцены.

Ло Вэй фыркнула и сказала:

— Будет сложно сниматься в следующей сцене без массажа...

Жун Сюй беспомощно улыбнулся и успокоил девушку:

— Всё в порядке. У меня хотя бы не так много боевых сцен, как у Цинь Чэна, так что ничего страшного. Я справлюсь.

Да, дальше начиналась боевая сцена с участием Жун Сюя.

Произнеся эти грустные и отчаянные четыре слова, принц внезапно дёрнулся и выхватил кинжал из-под своего нефритового пояса. Он схватил Императора одной рукой, а другой крепко прижал к его шее кинжал.

Император был потрясён, а зрители, собравшиеся во дворце, погрузились в хаос.

Ван Гуанпин быстро приказал армии спасти Императора. Кун Чао тоже был удивлён, но оперативно повёл Цзинь-вэй в атаку.

Такое поведение Принца было молчаливым доказательством правоты сиротки Шэн Сянцзюнь. Именно Принц подставил и казнил верного Императору и ни в чём не повинного Шэн Гэ, обвинив его в измене и перерезав всю его семью. Именно принц свалил всю вину на Восточное крыло. А только что ему почти удалось обвести вокруг пальца Императора и незаконным путём занять трон.

Со всех сторон сбегались многочисленные офицеры и солдаты, а чиновники ошеломлённо наблюдали за происходящим. Теперь уже никто не осмеливался поддерживать принца. Рука принца прижимала кинжал к горлу Императора. У юноши были неплохие навыки верховой езды и стрельбы, но в боевых искусствах он был не силен, однако ему вполне достаточно было приставить кинжал к шее императора, чтобы никто из стражи не осмелился убить его.

— С дороги! Кун Чао, убери своих людей! — красивый принц выхватил меч из ножен стражника и закричал, замахнувшись на одного из членов Цзинь-вэй.

Вся сцена была жутко хаотичной, и один только Лю Лао мог найти в ней хоть какую-то логику, чтобы снять её должным образом. Многочисленные братья Цзинь-вэй окружали Чжу Можэня, чьи глаза уже стали кроваво-красными. Левой рукой «принц» прижимал кинжал к горлу Императора, а правой сжимал длинный меч.

Цзинь-вэй не осмеливались предпринимать необдуманные шаги, боясь причинить вред Императору. Поэтому они отступили, позволив Чжу Можэню сбежать из главного зала и добраться до ворот дворца. Ворота дворца были закрыты, и Чжу Можэнь, продолжая держать Императора одной рукой, приказал:

— Открыть ворота!

Вокруг дворцовых ворот стояло бесчисленное количество лучников. Все стрелы были нацелены на принца, но никто не осмеливался выстрелить, боясь промахнуться.

Чжу Можэнь снова рассерженно прикрикнул, глядя на группу лучников:

— Открыть ворота!!!

Злоба исказила его идеальное лицо, сделав его отвратительно отталкивающим, как у отчаянно рычащего на врага зверя, загнанного в угол.

Дворцовые ворота открылись, однако Чжу Можэнь не заметил, что один холодный мужчина уже успел выйти за ворота. Он встал по другую сторону стены, натянул длинную тетиву лука и, прищурившись, прицелился в бледного как смерть Императора и, удерживающего его, обезумевшего Принца.

Затем он натянул тетиву и выпустил стрелу!

Свист!

Тонкие перья стрелы пронзили левую руку Чжу Можэня и лишь легонько коснулись шеи Императора, оставив на ней крохотную царапину!

Этим метким стрелком был Кун Чао – человек, которого считали старшим братом сотни членов Цзинь-вэй, беспрекословно повинувшись его воле.

Следующей сценой была схватка Кун Чао и Чжу Можэня.

<http://tl.rulate.ru/book/3652/91110>